

К ЧИТАТЕЛЯМ

Журнал «Полития» открывает новую, экспериментальную, рубрику «Антитеза». В редакцию нередко поступают тексты, которые не вполне укладываются в жанровые или стилистические рамки нашего издания. В то же время нам представляется, что состояние политической науки в России не только допускает, но и требует расширения параметров дискуссии об основаниях современного политического знания и о способах интерпретации происходящего в стране и в мире. В этой связи журнал готов время от времени предоставлять свои страницы авторам текстов такого рода, будь то очерки, мемуары, даже литературные произведения, при условии, что основным предметом будут проблемы, относящиеся к сферам политической философии и социологии политики. В экспериментальном же порядке мы публикуем в этом номере «Политии» сразу две работы, объединенные лишь принадлежностью к жанру политико-философского эссе – в самом широком понимании. Их авторы – члены редакционного совета журнала, согласившиеся по просьбе редакции пойти на риск первого практического испытания новой рубрики.

Редакция.

шочта

Ю.С.Пивоваров ПОЛНАЯ ГИБЕЛЬ ВСЕРЬЕЗ

«Прошедшее России было удивительно, ее настоящее более, чем великолепно, что же касается её будущего, то оно выше всего, что может нарисовать себе самое смелое воображение»

граф А.Х.Бенкендорф

«Человек будущего — это тот, у кого окажется самая долгая память»

Фр.Ницше

«Друг, я спрошу тебя самое главное: ежели прежнее все – неисправное, что же нас ждет впереди?»

Юрий Кублановский

«Прошлое точно так же видоизменяется под воздействием настоящего, как настоящее испытывает направляющее воздействие прошлого»

Т.С.Эллиот

Закат России. Der Untergang des Rußlands. Все надежды, планы, утопии разрушены. Все реформаторы провалились. Вместе с ними – революционеры и реакционеры. А также консерваторы, либералы, почвенники, космополиты, замполиты... Экономика и экология, управление и здравоохранение, образование и оборона, труд и капитал, государство и право, церковь и наука, и пр., и пр. – находятся в положении предсмертном, пред-предсмертном, нуждаются в срочной госпитализации. В общем: «врача!» Но врач не идет. В истории нет места для госпиталя, нет времени для поправки здоровья. Она, скорее, – тротуар Невского проспекта – Чернышевский ошибся, – на котором сначала неудавшийся богоносец разбивал прикладами своих трехлинейек головы тем, кто носил шляпу и пенснэ (а чё жалеть, сами себя прозвали «лишними людьми»), а затем мы разбивали себе головы, проваливаясь в трещины и ямы его асфальта.

Да, век удался на славу. Правда, больше на «славу КПСС», чем – как пелось в первом русском гимне – «на славу нам». Но «нам» жалеть об этом не стоит. Ведь «мы» с детства были приучены, что «бой идет

не ради славы, ради жизни на земле». Однако этот бой «мы», Россия, проиграли. И жизни (жизней) как-то поубавилось, и земли....

Закат России. С нами не считаются. На будущее почти не берут в расчет. Безразлично и нагло поучают. Наше влияние в мире стремительно приближается к нулю. «От тайги до британских морей» нас больше не боятся. Боятся лишь некоего дискомфорта, который исходит от нас в нашем умирании.

Таков результат XX века. Для русских. У других получилось иначе. Готовы ли мы сегодня к ответу на вопрос: почему? Не знаю. Может, еще немного рано. Может, ушедшее столетие еще не остыло и его жар еще опалает нас, не дает возможности холодного и спокойного размышления. Тем не менее, как говаривал Иосиф Бродский, «попробуем же отстраниться, / взять век в вавычки».

* * *

Нет, конечно, никаких итогов и подведения черт. Так, соображения на скорую руку, беглые зарисовки, «картинки с выставки». Импрессионистический этюд с метафизическим уклоном. По аналогии с Василием Макаровичем Шукшиным: «железнодорожник с самолетным уклоном»

(...вот лицо русского двадцатого века – не его проза и кино, а его глаза, морщины, худая жилистая фигура, застегнутая на все пуговицы, без галстука, темная рубаша под коротковатым пиджаком; как судьба Николая Рубцова, как проза Андрея Платонова ...)

...Однако (слегка) напомним историческую диспозицию: очень-очень сильная власть, главная и (почти) единственная креативная сила в стране; народ, совсем еще недавно находившийся в многовековом рабстве, покорный и напоминавший о себе редкими взрывами жестокого и немилосердного варварства; интеллигенция, чужая и власти, и народу, но страстно мечтающая о власти и народе, и одержимая мечтой о рае на земле; поднимающийся капитализм, просвещенная бюрократия, архаичная и непросвещенная церковь, писатели, террористы, старозаветные купцы, нарождающийся пролетариат, громоздкая и не очень эффективная громадина военщины; прибалты, немцы, поляки, евреи, малороссы, Средняя Азия; далекая страшная Сибирь и дальний Дальний Восток ...

Российская Империя wpłyвает в XX век. Море надежд, экономический подъем, расцвет науки и культуры, но и – обострение застарелых социоисторических болезней, декадентство, провокаторство как стиль и знак времени. А между тем, крот Истории рыл свой ход. И это был ход, по которому в страну пришла Революция. Слепой же грызун пожрал всех этих Столыпиных и Путиловых, и запустил Лениных и Троцких.

Дальнейшее так же хорошо известно. Лысого тирана менял тиран волосатый. Большую кровь сменила малая, кровопийц – воруги. Кто был ничем, тот, действительно, стал всем. При этом все превратились в ничто. Поубивали полстраны, разграбили всю. Затем построили вновь – жалко и помпезно одновременно. Проиграли поначалу, но выиграли в конце-концов Войну. Поколение победителей – основное советское – умерло в нищете, получая подачки от побитых ими немцев. Летали в космос, громыхали ракетами и танками, судорожно держались за примитивную идеологию, практически бесплатно учили и лечили (наверное, в первый и последний в русской истории раз), лучших убивали или задавливали-выдавливали, стали на недолго могучей военно-технической сверхдержавой, на недолго же – и в общем скудно – накормили и приодели себя (наверное, в первый и последний раз в русской истории), и вдруг все сломалось. Бог не пощадил Советский Союз. Как не пощадил несколькими десятилетиями ранее Российскую Империю.

Ну, а девяностые годы, они еще с нами и в нас; чего о них ...
Так что же мы имеем в итоге?

* * *

Немного дат, немного хронологической игры, немного о совпадениях, аналогиях, об исторических параллелях и параллельных исторических образах и мирах.

При этом заметим: русский двадцатый век схож с неким сценическим произведением, где все и всё взаимосвязано, где смысло- и сюжетобразующие персонажи находятся между собой в символическом родстве – повторяют друг друга, опровергают друг друга, порождают друг друга и т.д. «Россия в XX столетии» – странная книга, полная хронологических симметрий, сущностных совпадений, небывалых, невысказанных – на первый взгляд – причинно-следственных связей. И одновременно книга вопросов; таких вопросов, на которых, наверное, в **принципе** не может быть односложных ответов.

Например: когда начался **XX** век и когда закончился? Имеется, как известно, несколько версий этой хронологии, несколько версий дат его рождения и смерти.

Так, с **определенной** (и совсем не распространенной, не общеизвестной, не модной) точки зрения это произошло 23 апреля 1906 года. Это день вступления в силу первой русской конституции («Основные государственные законы»). За несколько месяцев до этого граф С.Ю.Витте предложил Николаю II два варианта выхода из разгоравшейся в русском обществе гражданской войны: введение диктатуры или конституционно-правового режима. Император выбрал второй путь.

Закончился же с **этой** точки зрения **XX** век – **12 декабря 1993** года. В этот день была принята Конституция Российской Федерации. Кстати, в главных чертах, т.е. в организации механизма власти, весьма

схожая с Конституцией 1906 г. А за некоторое время до 12 декабря в условиях новой гражданской войны Б.Н.Ельцин – после кровавой бойни 2-4 октября – оказался перед дилеммой: идти на выборы, принять Основной закон или с помощью силовых средств остаться у власти, установить личную диктатуру. Он предпочел конституционно-правовое решение.

Последний император, первый президент. Помазанник Божий, «помазанник» демократии. Единственные в истории России главы государства в силу (согласно, по) конституции.

Почти идентичные конституционные схемы власти. Обе конституции почти равно удалены от начала и конца календарного XX столетия (около шести лет). Обе приняты спустя четыре с небольшим десятилетия после отмены крепостного права (первого, «классического», и второго крепостного права большевиков – ВКП(б))¹. Обе – по существу – октроированы, навязаны обществу. Общим предшествовали небольшие – по масштабам XX в. – гражданские войны. И в том, и в другом случаях власть одерживала в них победы, а «контр-власть» в лице Советов (1906 г. – Петроградского, 1993 г. – Верховного РФ) терпела поражение.

Через одиннадцать лет после принятия Конституции Николай II отречется от престола, откажется от власти. За одиннадцать лет до исторической победы Ельцина на первых в истории России реальных выборах главы государства начинается эра перестройки, заката коммунизма. И от власти – хотел он этого или нет, но так произошло – начнет постепенно отказываться последний генсек.

А между Николаем II и Ельциным навсегда в русской истории останется и другая – кровная, кровавая – связь. В одном и том же городе первый закончит свой путь по этой самой (и в эту самую) историю, второй – начнет. И город этот большую часть века будет называться именем убийцы первого, но второй вернет ему прежнее, действительное. Правда, второй разрушит дом, в котором был убит первый. Но второй же упокоит останки первого и символически закончит Великую гражданскую войну, сотрясавшую отечество восемьдесят лет...

Да эти совпадения, связи, хронологические переклички, аллюзии и прочее...

Век начинается уходом Толстого и заканчивается возвращением Солженицына. У входа и выхода из этого века Блок и Бродский...

* * *

Хронологический русский двадцатый век начался и закончился правлением двух внешне бесцветных полковников-петербуржцев. Невысокого роста, стройные, с прозрачными светлыми глазами, загадочно-холодные, непроницаемо-спокойные, без аффектов и эффектов, два этих правителя разительно отличаются от большинства персонификаторов

¹ Именно так в народе расшифровывалась аббревиатура «ВКП(б)». Не случайно, конечно, колхозный строй стал терять свою крепостную сущность (с осени 1953 г.) почти сразу после отказа коммунистов именоваться «ВКП(б)» – осенью 1952 г. на XIX съезде.

власти в нашем Отечестве. И тому, и другому – при всех известных громадных различиях – власть досталась неожиданно. Вдруг упала в руки.

...Ну мог ли думать Ники, что папа уйдет столь рано, когда он еще не подготовлен, когда только-только счастливо разрешилась история сватовства и любви к Алике.

А здесь государственные заботы!

Не исключено, что Николай II изначально был раздавлен грузом свалившейся на него ответственности. И не смог преодолеть этой тяжести вплоть до отречения. Может быть, отречение и стало для него выходом из кошмарной психологической ситуации, в которой он пребывал более двадцати лет. Как царь, Николай Александрович со своей жизненной задачей не справился, как частный человек (с марта 17-го по середину лета 18-го) – явил себя в блеске достоинства. Венец власти, заслуженно упавший с его головы, был последнему царственному Романову тяжек и не по силам. Но заслуженно воспринял он венец мученика и мученичества. И потому занял в русской истории и наших сердцах свое, никем не занятое до него, место.

После отречения ушел холод, равнодушно спокойствие, какое-то странноватое отчуждение от всего и вся... Перед нами вдруг встал мудрый и скорбный человек, как будто точно знающий цель и задачу своей жизни, мужественно и покорно (покоряясь какой-то Высшей Воле) идущий к их осуществлению...

Но это был финал. В реально же историческом плане полковник Романов кажется мне персонажем весьма близким полковнику Путину. Если бы не болезнь и стремительное одряхление Ельцина, Владимир Владимирович III русской истории не стал бы хозяином одной седьмой суши. (Владимир Владимирович I – Маяковский, главный поэт Русской Революции, главный мифотворец русского коммунизма, теоретик и практик подчинения Русской Литературы – Русской Полиции; Владимир Владимирович II – Набоков, главный поэт русской эмиграции, главный – в этом веке – мифотворец русского privacy (что есть противоположность коммунизму), теоретик и практик полного ухода Русской Литературы из оперативной разработки Русской Полиции. Напомню, что Владимиру II принадлежит формула: русская история есть история русской литературы (как история свободы) и история тайной полиции (как история несвободы)).

По всей видимости, Владимир III призван как-то примирить наследие двух первых Владимиров. Революцию и эмиграцию (т.е. то русское, что ускользнуло из-под революции и развивалось по собственной логике), коммунизм и privacy, Русскую Литературу и Русскую Полицию.

...И все же при входе и выходе из XX века мы видим двух печальных полковников, которым не суждено стать генералами. Даже в ранге и должности Верховных главнокомандующих они останутся старшими (пусть самыми старшими) офицерами.

* * *

Как же отличны привратники хронологического XX-го века от привратников XX-го столетия фактического, исторического. Того самого короткого века, уместившегося между 1917 г. и 1991 г. Блеклые лица полковников Романова и Путина, с одной стороны, и ярко-энергичные юристов Ульянова и Горбачева, с другой². Если первые пришли с Северо-Запада, то вторые – с Юго-Востока страны. География подчеркивает коренную несхожесть двух пар.

² *А вот у юриста
Путина и юриста Ульянова
«общего» я почти не вижу.
Совпадения лишь
поверхностные: оба в 47
лет стали во главе России,
оба выпускники юрфака
питерского университета,
оба – «германофилы»,
пожившие в немецком
(немецкоязычном) мире.
Что еще? ...А-а, имена.
Еще?*

Связь между Ульяновым-Лениным и Горбачевым очевидна. Но Горби есть антитеза Ленину. Владимир Ильич с опорой на немцев начинает строить коммунизм, Михаил Сергеевич – разваливает его. У Владимира Ильича слово и дело связаны намертво (и в том смысле, что убивал словом), у Михаила Сергеевича – слово порождает слово, но – не дело. Горби порвал железную ленинскую связку «слово → дело; слово = дело». И заменил ее на «слово, слово, слово». Кстати, пародия на Горби в пост-коммунистической России – Жириновский и Явлинский. Один по юридической линии – сын юриста, другой по словесной – слова, слова, слова.

В известном смысле Горби есть историческая пародия на Ленина. История отомстила Ленину и его гвардии явлением Горби и его окружения. Если Пушкин – это ответ России на преобразования Петра, то Горби – ответ России на преобразования Ленина.

Да и в приватном смысле все наоборот. Ленин из руководителя мелкого клуба политических аутсайдеров – в жюлье революционной империи, Горби из лидеров сверхдержавы – в руководителя мелкого клуба политических аутсайдеров. Если Ленин проделал путь из социал-демократов в большевики, то Горби – наоборот. То есть, чем один начал, тем другой – кончил. Если Ленин обещал всем коммунизм, а ведь это, если без смеха, вообще максимум того, что можно обещать, то Горби в унылом своем и отчаянном бессилии – отдельную квартиру каждой советской семье к 2000 г.

Противоположны и финалы двух правоведов. Гвардия Ленина заточила его в Горках, отстранила от власти, ускорила объективный ход разрушительной болезни, т.е. фактически действовала на паях со Смертью. Это были великие бандиты, покруче сицилианских, чикагских и солнцевских (не в смысле Города Солнца, а в смысле родины нашего премьера). После соучастия в убийстве своего пахана они положили его в гранитную тюрьму, где он и поныне находится («как фиш на блюде», «нафаршированный труп». – Иосиф Бродский). Фактически они арестовали его; они боялись его и после смерти, эти великие бандиты. Они не хотели его отпускать даже мертвого. В самые главные свои дни они забирались на этот саркофаг и попирая, топча

Старика ногами, приветствовали послушные им людские стада, организованно протекавшие по Кровавой площади.

Горби же окружала не гвардия, не стая великолепных бандитов. Горби, как выяснилось, окружала шпана. То есть вокруг Ленина были воры, урки, вокруг Горби – мелкое жулье, самое большое – фраера. Они тоже заперли своего шефа в Горках, в крымских Горках (горках) – в Форосе. На два дня. А потом испугались и поехали просить прощения. Так закончился русский коммунизм. **Горбачев вырвался на свободу и стал частным человеком.** Кстати, это была еще мечта другого «плешивого щеголя», Александра I, но Благословенный так ее и не реализовал (если только мифическим старцем...). Николай II заплатил за это жизнью. И в этом великая правда русской власти. И одновременно и ее трагедия, и ее – чаще имплицитный – итог. Ее коренное противоречие метафизического и физического, субстанциально-властного и субстанциально-личностного. Самодержавие началось походом московских Даниловичей из по тогдашнему частных князьков-хозяйчиков в единственный Субъект русской истории, а завершилось пострижением этого Субъекта в частного человека. Цена: гибель персонификатора и Самодержавия.

А Горбачев стал первым настоящим, успешным приватизатором. Он приватизировал сам себя. Он – первая на финише коммунизма реализованная частная собственность. Заметим, что вновь на Руси частная собственность началась с людей, а не вещей, предметов, объектов. Правда, в XVIII веке, при Екатерине II, возникновение частной собственности произошло через закрепощение людей; в конце XX-го – через раскрепощение.

Скажем несколько слов о русской власти. О единственном Субъекте русской истории, ее Субстанции. Таковой она стала после и в результате похищения субъектной энергии у всех остальных ее носителей. И прежде всего субъектности была лишена основная часть русского народа. В книге «Русская Система» А.И.Фурсов и я называем такой народ (население) Популяцией. Наряду с Русской Властью (повторим: Моносубъектом русской истории) и Популяцией мы обнаруживаем и третий важнейший элемент Системы. Это – Лишний Человек. «Он может быть как индивидуальным (часть дворян и интеллигенции в XIX – начале XX веков), так и коллективным (казачество в XVII веке). Лишний человек – это те индивиды или группы, которые не «перемолоты» Властью и поэтому не стали ни ее органом, ни частью Популяции. Или же это люди, «выломившиеся» из Популяции и Власти...»³.

Следовательно, «Русская Система – это такой способ взаимодействия ее основных элементов, при котором Русская Власть – единственный социально значимый субъект. Если Русская Система есть способ контроля над русской жизнью, то Лишний Человек – это мера незавершенности

³ Пивоваров Ю.С.,
Фурсов А.И. Русская
Система и реформы // Pro
et Contra. – М., 1999. – Т.4. –
№ 4. – с. 184.

системы, индикатор степени неперемолотости русской жизни Русской Системой и Властью. Процесс взаимодействия, с одной стороны, Русской Системы и Русской Власти, а с другой – Русской Системы и русской жизни (в которой Система далеко не все исчерпывает и охватывает, а в Системе не все Власть) и есть Русская История»⁴.

⁴ Там же. – С. 184-185.

В определенных исторических условиях элементы Русской Системы диффузируют друг в друга. Так, к примеру, после Октябрьской революции мы имеем дело с феноменом властепопуляции («кухарка» управляет государством). Это, если угодно, «перевернутая» Русская Система. То есть эссенция Системы сохранена, но в прямо противоположной социально-властной конфигурации. Зинаида Гиппиус на заре советско-социалистического порядка вывела точную формулу его соотношения, отличия и одинокости (как говаривал Герцен) с царским режимом. По ее словам, идея самодержавия – власть одного над всеми, идея коммунизма – власть всех над одним. И в том, и в другом случае осуществляется подавление индивида, что и является **содержанием** русского типа социальности⁵. Меняются лишь «политические технологии».

⁵ В. В. Розанов, *подводя итог жизни: «В России так же жалеют человека, как трамвай жалеет человека, через которого он переехал. В России нечего кричать. Никто не услышит»*. – «Трамвай» – это не «цари», «жандармы», «энкеведешни ки» и т.д.; это – эссенциально-русское, это «русская жизнь». Она у нас «выше» всего, она – бессмертна.

И еще о Русской Власти – элементе и категории **системообразующей**. Как и все остальные составляющие Системы, она отражает и описывает мир (русский мир, или Мир), который не знает о споре номиналистов и реалистов, не видит границы между физическим и метафизическим и т.п. И потому в ней изначально заложен конфликт – о чем уже мимоходом и было сказано – метафизического и физического, субстанциально-властного и субстанциально-личностного. Иначе говоря, природа русской власти с необходимостью **предполагает** их некое совмещение, соединение, взаимопроникновение, но и – борьбу. Если на Западе в ходе длительной эволюции власть обрела принципиально безличностный характер, а идея власти полностью отделилась от идеи личности («вместо того, чтобы считать, что власть является личной прерогативой лица, которое ее осуществляет, была разработана форма власти, которая независима от правителей. Эта форма и есть государство» (Г'etat, state, Staat) – Жорж Бюродо⁶), то в России всего этого не было. Здесь, напротив, высшей метафизической пробы власть была мертворожденно припишена к некоему физическому лицу (Рюриковичи, Романовы)⁷. В советский период Популяция экспроприировала эту метафизику, тем самым, на время спасая ее от гибели. Однако именно «на время», поскольку господство властепопуляции – гражданская война, террор, другие формы самоистребления – оказались **избыточным** даже для привыкшей к перманентному насилию России...

⁶ Burdeau G. L. 'Etat. – P., 1970. – P.10.

⁷ Пукинский «все Романовы – революционеры» и означает, помимо прочего, драму противоборства физического и метафизического, личного и властного в душе и поведении персонификатора власти. Она, словно, бунтует против самой себя и ею же введенных порядков. Это – неустрашимый конфликт конечного человека с вневременной, надвременной интенцией Власти.

И еще об одном органическом качестве русской власти – дистанционности. Она не есть, как на Западе, порождение и политическое выражение civil society, поскольку и самого «сосайети» у нас нет. Она сама порождает и формирует в России все (выражаясь идеально-типически). Она действует с дистанции, со стороны. Она отделена и отдалена от этого «всего». Сближение со «все» опасно для ее природы

и функционирования. Будучи Субстанцией (это – «то, что существует само в себе и представляется само через себя, то есть то, представление чего не нуждается в представлении другой вещи, из которой оно должно было образоваться» – Спиноза⁸), она должна хранить это свое главное качество, хранить как девство. Что лучше всего делать – на дистанции.

* * *

Итак, с Горби русская власть теряет свою метафизическую природу. После него власть становится физической. И ее подбирает крепкий мужик Ельцин. Ельцинизм есть не метафизическая, а животнотфизическая русская власть. Что это такое? – Ленин был точкой, до которой ждалась, а потом разжалась Русская Система. Но она не могла уже существовать в монархической форме. И даже в чисто вождистской (о причинах **здесь** говорить не будем). Власть и Популяция **вынужденно** образовали властепопуляцию. Ее олицетворением, богом, вождем, знаменем стал Сталин. После его смерти властепопуляция распалась на номенклатуру и советский народ, новую историческую общность. Это эпоха Хрущева – Брежнева. А при Горби распались и номенклатура, и народ. И все стало бесхозным. Власть, люди, вещественная субстанция, идеи и т.д.

И вот Ельцин сказал: ребята, берите себе сколько унесете (вещества и суверенитета), и я возьму, сколь смогу. Началась приватизация. То есть Горби – сам себя, Ельцин – власть, чубайсовские – материю, никито-михалковские – идеи. Причем все исключительно в смысле физики, а не метафизики. Ельцинизм – это такая политика, где каждый берет то, что может взять. Таможенники – таможду, пограничники – границу, библиотекари – книги, и т.д. То есть свободная приватизация каждым есть условие свободной приватизации всеми и всего (это не означает, что всяк российский человек что-то получил в ходе Великой приватизации; напротив, подавляющее большинство не получило ничего).

И в принципе, если бы у Ельцина было здоровье Лебеда, а характер Чубайса («железный Толик»), это могло бы продолжаться довольно долго. Но здоровье подвело и подвела русская власть. Она не захотела издохнуть ни в велеречиво-косноязычном Горби, ни в косноязычном шутовстве Ельцина. Она не захотела быть физической, ее метафизическое начало начало потихонечку оживать. И это, кстати, порою прорывалось даже в бывшем уральском партработнике, ставшем первым всенародно избранным. Царь Борис, Борис II (кстати, ведь и Борис I Годунов – по своему первый всенародно избранный). «Президент от Бога» – как он однажды оговорился, видимо, будучи в приятном подпитии и в гостях у патриарха. Этот всенародно избранный царь и имевший якобы божественную легитимацию президент постепенно-потихонечку дистанцируются от своего электората, который, в свою очередь, трансформируется в подданных. Власть вновь

обретает важнейшее свое метафизическое качество – дистанционность. Далее Ельцин вынужден искать себе наследника. Череда кандидатов в дофины проходит через его вновь обустроенные, роскошно-имперские апартаменты в Кремле. На роль цесаревича пробуются Хлестаков – Немцов, Городничий – Черномырдин, поместь Манилова и Чичикова – Степашин, Ноздрев – Аяцков и, наверное, другие. Неожиданно на небосклоне русской политики вспыхивает звезда Путина. Прямых литературных аналогов ему нет. Но если несколько разогреть свое литературное воображение, то это, пожалуй, Молчалин. Со временем он уходит от Фамусова, работает в органах, а затем, когда начинаются либеральные реформы, становится отчасти Штольцем, оставаясь при этом на госслужбе, немножко на немецкий лад.

* * *

... И все же еще раз о Ленине. Безусловно, фигуре № 1 ушедшего века. Ленин столь велик, что его «величество» умалило Россию. С исторической точки зрения, вполне, пожалуй, релевантно уравнение: чем больше Ленин (Ленина), тем меньше Россия (России).

Правда, здесь необходимо уточнение: Владимир Ильич Ульянов и Ленин не одно и то же. Если Ульянов конкретное историческое лицо, то Ленин – категория метафизического порядка. Если жизнь Ульянова оборвалась ранним холодным январским утром 1924 года, то Ленин – в известном смысле – и «сейчас живет всех живых». Ленин для русской истории в одном ряду с «принятием христианства», «татаро-монгольским игом», «возвышением Москвы», «преобразованиями Петра Первого», «реформами Царя-Освободителя» и т.д.

По своему влиянию на судьбу России Ленина можно поставить в один ряд лишь с Петром. Что же касается воздействия на ход мировых событий, то тут уже мы русских конкурентов не найдем. Более того, трудно будет обнаружить и соперников иноземных. Действительно, кто? – Известно, скажем, мнение, что содержательно XX век был определен тремя немецкоязычными евреями: Марксом, Фрейдом и Эйнштейном. Вполне с этим можно согласиться. Правда, с оговоркой. Разве Ленин не соединил их в себе (метафорически выражаясь)? Кстати, он вообще был гениальнейший объединитель и расширитель (что это, объясним ниже). С одной стороны. С другой – гениальнейший редукционист и упрощатель (также объясним ниже).

...будто История распорядилась, сведя в одном человеке русскую, калмыцкую, еврейскую, немецкую и шведскую линии; православие, лютеранство, буддизм;

Европу, Россию, Азию; недавних крепостных, мещан, дворян, приказчиков, учителей, врачей, чиновников; все огромные евразийские пространства и народы, их населяющие, участвовали в рождении этого человека и стали поприщем его деятельности;

азиатская вечность, европейское время и русская мечта о вечности на земле – коммунизме, в котором происходит вечноеизация времени (это и есть обломовские сны, Симбирск – родина и Гончарова, и Ленина, вся неустанная, по шестнадцати часов в день, холерическая работа Ленина была направлена на осуществление снов Обломова, Ленин – это Штольц, взявшийся реализовать идеал своего друга) – лепили его характер, волю и ни на кого не похожий ум.

Итак, Ленин как некая результирующая Маркса, Фрейда и Эйнштейна? – Ну, с Марксом все ясно. Ленин его величайший ученик и продолжатель по-русски. Что бы ни говорили всякие там ревизионисты, именно Ленин законный наследник Маркса по-прямой. Пусть даже (не исключая) сам Маркс и не признал бы Ильича таковым. А что, разве всегда родители довольны детьми?!

Конечно, связь Ленина с Фрейдом или Эйнштейном **внешне** менее доказательна. Сущностно же – безусловна (для меня, по крайней мере). Так, Фрейд сводит культурное и социальное к формам проявления первичных жизненных влечений, опираясь при этом на свое учение о бессознательном и некоторые другие свои психологические построения. То есть детерминирует, упрощает и редуцирует все многообразие социо-культурной жизни к неким **абсолютным** природносоциальным и **элементарным** факторам. И это не ленинизм? А концепция сублимации не похожа ли как две капли воды на ленинскую версию марксизма, объясняющую всякую человеческую деятельность проявлением «классовых инстинктов»? А история общества и культуры, трактуемая Фрейдом, как борьба Эроса и Танатоса, так уж отличается от ленинского видения истории как борьбы классов?...

С Эйнштейном же Ленин просто идет параллельным курсом. В самом начале столетия Ильич создает ленинизм-для-России (от «Что делать?» до работ времен Первой русской революции). Это, так сказать, частный ленинизм, его частная теория. В 1905 году выходит в свет книга Эйнштейна «К электродинамике движущихся тел». В ней сформулирована частная теория относительности. Не ведая того, не зная друг о друге, хотя и находясь практически в одной точке (Швейцария), они решали схожие, **подобные** вопросы.

Перед Эйнштейном стояла проблема разрешения противоречия между общими законами механики Галилея-Ньютона и открытиями 60-80-х годов XIX столетия, сделанными Максвеллом и Майкельсоном. Согласно второму закону Ньютона, в принципе нет ограничений для скорости, которую можно придать телу. Это – в конечном счете – означает, что время всюду течет одинаково. Вообще в ньютоновской механике выполняется принцип относительности Галилея: законы механических явлений одинаковы по отношению ко всем инерциальным системам. Но Максвелл, анализируя электромагнитные явления, не нашел этому подтверждения в области электродинамики. Еще

большие сомнения посеяли опыты Майкельсона. Он не обнаружил ожидаемой зависимости скорости света от направления его распространения по отношению к направлению движения Земли.

Эйнштейн в частной теории относительности заимствовал ряд положений из классической теории и одновременно опирался на данные опытов Майкельсона. В результате возникла принципиально новая картина мира, в рамках которой пространство и время зависят от системы отсчета, по отношению к которой они определяются. То есть Эйнштейн не отбросил старые представления, он включил их в новый контекст, где они и обрели новое содержание. Или, точнее: стали элементом нового знания, не утратив при этом своей адекватности.

Ленин сделал то же. Он примирил классический марксизм с ново-русским революционным опытом. Ввел его в русский контекст. Показал, что в русском пространстве время течет с иной скоростью, а также – принципиальную значимость системы отсчета, точки зрения наблюдателя. Думаю, что для складывания ленинизма неоченимыми оказались опыты Желябова-Нечаева; во всяком случае, они сыграли не менее важную роль, чем опыты Максвелла-Майкельсона для формирования воззрений Эйнштейна.

В 1915 году приходит время для общей теории относительности, которая отныне служит основой представлений о мироздании. Признается, что массы материи, определяя структуру пространства-времени, определяют через это и свое собственное движение. Тогда же Ленин создает общую теорию ленинизма – «ленинскую теорию империализма». «Русский» (частный) вариант включается в новую универсальную и универсалистскую концепцию. Фактически она гласит: социальные массы, определяя (воздействуя, меняя) структуру исторического пространства-времени (в ленинизме, как и у Эйнштейна, время и пространство суть разные измерения одного и того же; **это гениальное открытие в политике**), определяют (воздействуют, меняют) через это и свое собственное движение (свое собственное историческое бытование).

Да, Ленин конгениален этим трем гениям. И в своей гениальности близок, родствен гениальности каждого из этой тройки. **В этом** отношении мне некого поставить с ним рядом.

* * *

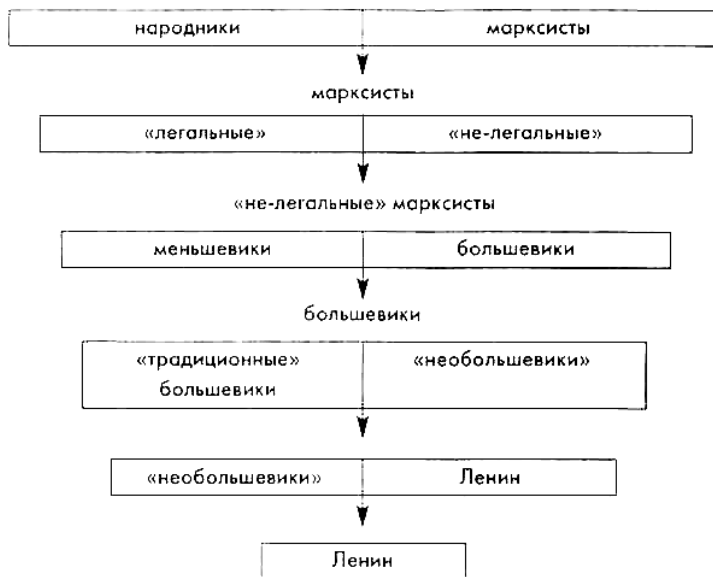
Конечно, Ленин центральная фигура русского коммунизма (т.е. истории России XX столетия). В диспозиции коммунистического мира у него несколько символических ролей: пророк, герой, учитель, образец, первоисточник власти и пр. Все последующие вожди (Сталин, Хрущев, Брежнев, Горбачев) черпали свою легитимность именно в Ленине. Он – безо всяких там метафор – был демиургом этого порядка. Обо всем этом очень неплохо более четверти века назад писал американский исследователь Фредерик Баргхурн⁹. По его словам, Ленин сделал главное: а) разработал коммунистическую теорию и создал партию нового типа; б) привел эту партию к власти; в) заложил основы

⁹ См., например, подготовленную им главу о «политической культуре СССР» в известном сборнике: *Comparative politics today: A world view / Ed. Almond G.A. – Boston: Toronto, 1974.*

советской системы: «однопартийную демократию» и полностью управляемую государством экономику.

Но это, так сказать, совокупная оценка Ленина. С определенной же точки зрения – было (есть) два Ленина – до революции и после революции. До 1917 года Ильич показал себя величайшим в мире редуccionистом.

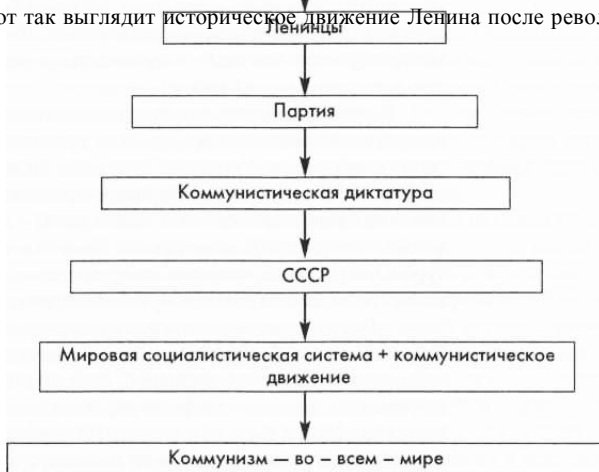
Графически этапы его предреволюционного пути можно изобразить следующим образом (схема представляет собой не редуccionцию революционного движения вообще, но его редуccionцию по Ленину, т.е. виденье и полагание этого движения самим Ильичем; и несмотря на всю однобокость и экстремизм такого полагания, оно совпало с историей страны):

Поясню некоторые условные термины. «Нелегальные» марксисты – это все те, кто боролся со Струве и К⁰, т.е. и Ленин, и Мартов, и Плеханов и др. «Традиционные большевики» – это все те, кто шел с Лениным с 1903 года, поддерживал его линию в первой русской революции: «традиционные» в целом (были и исключения) остались с ним или вернулись к нему в 1917 и в период Гражданской войны, но, как правило, уже не играли самых главных ролей. «Необольшевики» это те, с кем он захватил власть в Семнадцатом, те, которые будут с ним в десятилетие между революциями, те, с которыми у него возникнет конфликт сразу же после возвращения («Апрельские тезисы» и споры вокруг них в партии), который будет

тлеть вплоть до Великого Октября и, в конечном счете, приведет его к полному одиночеству. Но это уже произойдет в иную историческую эпоху. При этом следует заметить, что трагическое завершение его **личной** (ульяновской) судьбы было «запрограммировано» логикой жизненного пути Ленина-редакциониста.

А вот так выглядит историческое движение Ленина после революции 17-го года:

Поясним термины и в этом случае. «Ленинцы» – это те, кто собирается вокруг него с весны-лета 1917 г. и будут играть решающие роли в решающие моменты существования нового режима (Троцкий, Свердлов, Дзержинский, Сталин и др.). Но быть «ленинцем» не означало личной и политической преданности Ильичу. В иных ситуациях они могли и выступить против Старика, и даже предать его. Это их – в основном – усилиями (в паре со смертельной болезнью) и произошло его насильственное удаление от дел. «Партия» – это уже не партия нового типа, но хребет и (одновременно) прообраз становящегося Порядка. «Коммунистическая диктатура» – система коммунистической власти; это шире «партии», поскольку предполагает некоторые другие властные и привластные формы. «СССР» – реализация коммунизма в определенных (неуклонно расширяющихся) территориальных пределах. «Мировая социалистическая система + коммунистическое движение» – динамично развивающаяся и экспансирующаяся в различных видах и различными способами «теория и практика» коммунизма. «Коммунизм-во-всем-мире» – целеполагание, мечта, надежда, упование.

Следовательно, после революции Ленин выступает как величайший расширитель и «объединитель». Хотя способ его жизнедеятельности остается прежним. Во-первых, раскалывать любую организацию (движение), в рамках которой и с помощью которой он добивается своих целей. Сначала раскол, затем, на основе оставшейся верной ему части, создание новой организации (движения) и все заново. Известный бакунинский девиз «pars pro toto» – «часть вместо целого» – он модифицирует в «часть как целое». «Частичность», его «частичность» выдается за целое, заменяет и подменяет собой целое. Парадоксальность здесь в том, что такой способ вполне укладывается в логику Ленина-до-революции, но вроде бы внешне противоречит интенции Ленина-послереволюционного, Ленина-расширителя. Отметим эту – согласитесь! – «странность», однако оставим ее объяснение для других наших работ...

Во-вторых, Ленин остается гениальным упростиателем. Это его качество поистине новаторское – как в реальной политике, так и в политической мысли. Упростить ситуацию до абсурда, многообразие и сложность свести к элементарному, принципиальную поливариантность истории к прямой – как полет пули, – линии. Вот он – Ленин, вот он – ленинизм! В **этом** смысле Ильич антиисторичен и антикультурен. Если, правда, исходить из презумпции неуклонного – несмотря ни на что и в общем и целом – усложнения истории и культуры во времени... Все эти Сталины, гитлеры, Муссолини и прочие, говоря языком Томаса Манна, взбесившиеся неотесанные плебеи XX века вышли из «шинели» Старика: его циничной, безжалостной, бездушной ухмылки-усмешки, которая – на фотографиях – таится в уголках рта, скрывается за усами и гарцует в его текстах и речах.

История человечества знает, конечно, и других классиков упростиательства. И сам Ленин произошел не на пустом месте. Вспомните хотя бы тутошних Чернышевских-Добролюбовых или тамошних марксов-энгельсов. Но... Но лишь гений Ленина сделал упростиательство универсальным и единственным способом решения всех вопросов. При этом смысл самого упростиательства сводится исключительно к ставке на низменное, на слабости человека или соционисторической общности, на больное и набодевшее. Эксплуатация всего этого и есть ленинизм. Да еще прибавим невероятное упорство и последовательность (будто бы внутренняя необходимость) в стравливании и натравливании друг на друга как ближайших сподвижников, – так и миллионных социальных групп. Да еще полный отказ от критерия «совести». Ленинизм – это учение и практическое воплощение бессовестного устройства жизни.

* * *

Принципиально важной для понимания нашего XX века является история деленинизации Ленина, история метаморфоз этого символического явления.

Все это – деленинизация – началось при Хрущеве. Поначалу попробовали показать Ленина «таким, каким он был на самом деле». Решили немного очеловечить бога и – возник зазор (небольшой, но, как выяснилось впоследствии, губительно-опасный) между Лениным и помощником присяжного поверенного, профессиональным революционером, политическим эмигрантом и вождем Русской революции Владимиром Ульяновым. После падения мужицкого царя Никиты дело деленинизации попало в руки диссидентов – от блудного сына КПСС Роя Медведева до громоподобного сына ГУЛАГа Александра Солженицына. Под пером этого Нобелевского лауреата Ленин предстал перед нами некоей причудливой комбинацией героя гоголевской «Шинели», жалкого и ничтожного Акакия Акакиевича, и орудия тайных темных сил (связанных с германским генштабом и одновременно использующих его), целью которых было уничтожение России. Сам, может, того и не желая, Солженицын немало сделал для демонизации и дьяволизации Ленина. Однако знание об этом новом Ленине было доступно относительно узкому кругу интеллигенции и стало ее своеобразной эзотерикой. Для подобных идей в 70-е годы еще не сформировался массовый «потребитель».

Следующий этап деленинизации приходится на конец 80-х – начало 90-х. В этот краткий отрезок времени Ленин шаг за шагом (причем эти шаги делались очень быстро) из доброго и человеческого бога превращался в великого, трагического и противоречивого Владимира Ульянова, «неоднозначного» персонажа русской истории, кровавого диктатора, главного беса революции и, наконец, в воплощение Абсолютного Зла. Этот последний статус Ленин обретает в начале октября 1993 года после подавления Верховного Совета РФ и попытки национал-коммунистического реванша в Москве. В эти дни одна из самых популярных и по-своему очень чутких к изменениям в массовом сознании центральных газет печатает на своей первой странице рисунок медали, на которой изображены Гитлер (на переднем плане) и Ленин. Медаль обрамлена флагами со свастикой и серпом-и-молотом. Рядом цепи. Композиция очень и очень привычная человеку, выросшему в советском коммунизме. Только раньше не было Гитлера и свастики. Были Маркс с Энгельсом (да одно время Сталин) – так же в профиль. Теперь место немецких бородачей занял немец с пробором и усами. Тому, кто разбирается в советской политической символике, сразу же стало все ясно. Ведь в ней Гитлер олицетворял Абсолютное Зло. Теперь к нему был приравнен Ленин. Таким образом, процесс деленинизации, разоблачения Ленина-бога оканчивается превращением его в Ленина-дьявола – идеи Солженицына живут и побеждают. Никакого Владимира Ульянова Россия знать не хочет.

Но подчеркну: все метаморфозы происходили в основном в публицистике, на телевидении и радио. Что касается бесчисленных памятников вождю и прочих его изображений, а также заводов, колхозов, учреждений, парков, улиц, метро и пр. «имени Ленина», то здесь все практически осталось по-прежнему. Развенчание Ленина произошло

в слове, никак или почти никак не материализовавшись. Точнее – не дематериализовавшись.

Особая история с Мавзолеем. Правда, с 1953 по 1961 год это был мавзолей Ленина-Сталина. Или как, еще в 30-е пророчески сказал Мандельштам: «домик Сталина имени Ленина». Хрущев вышвырнул оттуда своего бывшего шефа. И хотя Сталин был действительно «Лениным сегодня», там для него места не было. Не важно, чем руководствовался Мыкита, но в мире абсолютного монизма бог должен персонифицироваться одним лицом. Иначе – нарушается основополагающий принцип...

Почему же тогда Ельцин, разрушив коммунистический порядок, не закрыл Мавзолеем «как таково» (помните бессмертное выражение убиенного – увы – депутата Скорочкина?) и не отнес «идолище» на погост? – Для ответа на этот вопрос нам необходимо обратиться к истории русского самосознания, истории «русской идеи». Пожалуй, наиболее значимыми в них и для них явились две мессианские мифологемы – «Москва – Третий Рим» и «Москва – Третий Интернационал». Скажем сразу: структурно они практически подобны (а это основное «подобие», если верить Карлу Мангейму).

На рубеже XV-XVI вв. Россия (Русь) испытала первый приступ мессианства. Согласно «третьеримской» установке Абсолютная Истина находит свое окончательное воплощение в Православии. Хранителем Православия после падения Византии (середина XV в.) становится Москва. Следовательно, мистический центр ойкумены находится в этом стольном граде: Кремль с его многочисленными храмами и святынями (со всей страны сюда свозятся наиболее чтимые иконы и мощи святых) и Красная площадь. Происходит обожение Московского царства; едва грамотное захолустье тогдашнего мира пышно величает себя Святой Русью. Факт перехода религиозно-мессианского лидерства от Константинополя к Москве закрепляется женитьбой царя Ивана III на племяннице последнего византийского императора Софье Палеолог и установкой на башнях Кремля двуглавых царьградских орлов.

Вновь вспышку мессианства (уже – псевдорелигиозного) Россия пережила в годы революции. Формируется идея «Третьего Интернационала». Это – секулярный аналог «третьеримства». Свою идеологию он обретает в «марксизме-ленинизме», который по сути отводит России мессианскую роль – утвердить на всем земном шаре Абсолютную Социальную Справедливость. Причем – и это стоит отметить особо, – если миф о Третьем Риме был универсалистским лишь потенциально, то коммунизм выставлял свои универсалистские претензии осознанно и открыто. Мечта о «земшарной Республике Советов» была зафиксирована и в Конституции 1924 г. В ней говорилось, что «доступ в Союз (СССР. – Ю.П.) открыт всем социалистическим республикам, как существующим, так и имеющим возникнуть в будущем»¹⁰. А само создание СССР квалифицировалось как «новый решительный шаг по пути объединения трудящихся всех стран в мировую социалистическую Советскую республику»¹¹.

¹⁰ Конституция
общенародного
государства. – М., 1978. –
С.213.

¹¹ Там же.

Кстати, эту, принципиально новую, «советскую государственность», ee универсалистский характер хорошо понял русский правовед Н.Гронский. Ведь впервые в мировой конституционной практике власть не «связывалась» с **определенной** территорией (т.е. власть не была ограничена в пространстве). «... Советская Республика гостеприимно открывает двери перед всеми народами и государствами, приглашая их ко вступлению в Союз при одном лишь неперменном условии – провозглашении советской формы правления и осуществлении коммунистического переворота. Стоит жителям Борнео, Мадагаскара или Зулуланда установить советский строй и объявить коммунистические порядки, и лишь в силу их заявления, эти новые, могущие возникнуть советские республики принимаются в Союз Коммунистических Республик. Если бы Германия захотела перейти к благам коммунистического строя или же Бавария, или Венгрия захотели бы повторить опыты Курта Эйснера и Бэла Куна, то и эти страны могли бы войти в Советскую Федерацию... Пределы его («государства» СССР. – Ю.П.) безбрежны, оно стремится в идеале впитать в себя все народы мира... Союз Советских Социалистических Республик не представляет из себя прочно установленного государственного порядка, он может в любой момент исчезнуть (**как это и произошло в 1991 г.!** – Ю.П.) и в то же самое время способен к беспредельному, ограниченному лишь поверхностью нашей планеты, расширению»¹².

¹² Гронский Н.
Юридическая природа С. С.
С. Р. / Сборник,
посвященный пяти-
десятилетию П.
Б. Струве. – Прага, 1925. -
178, 180, 181 сс.

Сделаем небольшое отступление, прокомментируем этот комментарий Н.Гронского. – Почему русские большевики не хотели ограничить свою власть в пространстве, поместить её в четко и навсегда очерченные пределы? Ведь так делали и делают все другие государства. – Да потому, что ленинизм есть способ управления ядерным социальным процессом. Ленин открыл законы использования ядерной социальной энергии и методы расщепления социального ядра. Он и его последователи полагали эти законы универсальными, а свое историческое предназначение – соответственно – видели в том, чтобы распространить ядерный социальный взрыв по всей поверхности Земли. Коммунизм и должен был стать результатом действия этой адской и повсеместной АЭС.

В принципе было два варианта распространения коммунистического пожара («мы на горе всем буржуям / мировой пожар раздуем»), Первый – и поначалу Ленин склонялся к нему – представлял собой перманентную революцию сразу и сходу. Как только покончим с белогвардейской сволочью здесь, в России, так и – «Дашь Варшаву! Дрожи Берлин!» И командарм тов. Тухачевский ведет красные рати в Европу. И наркомвоенмор тов. Троцкий в черной своей хрустящей коже, в стремительном своем бронепоезде мчится по сверкающим рельсам на запад, обращаясь по-немецки, французски, итальянски к торжествующим пролетариями и пролетаркам. И тов. Зиновьев, Радек, Эйснер, Кун, Тельман поднимают восстания, бросают на баррикады все новых и новых героев... Не получилось. Зверь, лизнувший крови

(Роза Люксембург о Ленине и его режиме), сунувшись в Европу, получил по морде и отполз восвояси собирать силы.

Второй вариант – это строительство социализма в одной стране. К концу своей земной жизни Ильич, кажется, обратился к этому сценарию. Но строительство не ради этой только страны, и не в первую очередь для нее. А для создания крепости **мирового коммунизма**, из которой и начнется планомерная экспансия на весь мир. В принципе, этот второй сценарий с разной степенью интенсивности и успеха реализовывался «нами» до середины 80-х. То есть именно он оказался главным.

Но вот что важно. Помимо универсалистско-марксистско-ленинской установки на «мировой пожар», русские до всяких там Лениных – Троцких – Сталиных имели свою собственную, туземную, установку на «мировой пожар». Об этом очень точно и энергично тот же Блок в тех же «Двенадцати»: «мировой пожар в крови – Господи, благослови!» Но это язык символиста и метафизика. Международник и политгеограф Тютчев (одновременно, правда, и метафизик, и символист; но мы имеем двух Тютчевых – слава Богу! в данном случае речь идет о политическом Тютчеве) сформулировал несколько иначе: «Москва и град Петров, и Константинов град – / Вот царства русского заветные столицы... / Но где предел ему? и где его границы – / На север, на восток, на юг и на закат? / Грядущим временам судьбы их обличат ... / Семь внутренних морей и семь великих рек ... / От Нила до Невы, от Эльбы до Китая, / От Волги до Ефрат, от Ганга до Дуная ... Вот царство русское ... и не пройдет вовек, / Как то предвидел Дух и Даниил предрек».

Федор Иванович имел в виду ветхозаветного пророка Даниила с его идеей сменяющих друг друга царств. Которая, как известно, была одним из важнейших источников концепции «Москва – Третий Рим». Но ведь и Москва – так распорядилась история – была городом Даниила. Иного, московского – св. князя Даниила Александровича (сына св. блг. князя Александра Невского). Как будто кто-то все это нарочно придумал!

И «мировой пожар» в нашей «крови» совсем не потух вместе с гибелью этой великолепной петербургской – западнически-славянофильской – империи. Ее мечта о пространственной безмерности, беспредельности, безграничности, несомненно, связалась каким-то непостижимым образом с коммунистическим универсализмом. Почитайте Павла Когана и Михаила Кульчицкого, этих гениальных юношей, не вернувшихся с Отечественной, и вы увидите и услышите как тютчевское и ленинское сплывилось в одно. И чтобы сегодня ни говорили о «советском-коммунистическом» и «русском-империалистическом» – в одно величественное и благородное («вот наш патент на благородство») – «Но мы еще дойдем до Ганга, / Но мы еще падем в боях, / Чтob от Японии до Англии / Сияла Родина моя» (Павел Коган). – А ведь это посильнее Тютчева. Хотя география та же.

Этот вселенский размах нашей культуры не есть нечто преходящее. Это конститутивное и системообразующее, субстанциальное и перманентное ...

Но вернемся в Москву, которая во второй раз объявляется центром ойкумены (европейский Петербург явно не годился на эту роль; он был всего лишь одной из великолепных европейских столиц партикулярной европейской державы). Несколько поколений советских детей (и я, в 50-е годы) выросли на таких вот стихах: «Всем известно, что Земля начинается с Кремля...». Кремль – на его башнях вместо двуглавых орлов вспыхивают рубиновые звезды – вместе с Мавзолеем Ленина, могилами виднейших коммунистов за ним, а видных коммунистов в Кремлевской стене (опять же секулярный аналог своза сюда мощей святых со всей страны четырехсотлетней давности) и находящимся в двух шагах от Красной площади Музеем Ленина составляют (псевдо) мистический центр новой коммунистической и универсалистской по инстинктам и задачам цивилизации. Однако и здесь у Мавзолея особые функции и значение. На него дважды в году взбираются вожди. Два главных коммунистических праздника – 7 ноября и 1 мая, заменившие собой Рождество и Пасху (да и в календарном отношении близко), проходят вокруг Мавзолея. Лишь здесь дважды в году сотням тысяч советских людей (а с конца 50-х при помощи телевидения – миллионам и миллионам) даруется высочайшее благо – видеть верховных кремлевских жрецов. Сюда к подножью Мавзолея в момент величайшего триумфа коммунистического порядка, в день парада Победы летом 1945 года, брошены были боевые знамена поверженной нацистской Германии. И второй величайший триумф СССР – полет Гагарина в космос – празднуется около Мавзолея. И, наконец, посещение этого Капища становится самой священной минутой жителей страны (никогда не забуду восторга, «страха и трепета», пронзившего меня, двенадцатилетнего, у гроба Ленина).

Мавзолей – это материализация мистики коммунизма. Ленин – бог новой антихристианской цивилизации, стремящийся охватить весь мир. Владимир Маяковский чеканит магические формулы: «Ленин – самый человеческий человек» (во всей человеческой истории), «Ленин – живее всех живых» (даже после смерти), «Ленин и Партия – близнецы-братья». Здесь – кульминация. Партия – основа основ коммунистического порядка. Ленин-бог и Партия – по сути синонимы. Они, подобно ипостасям Троицы, неслиянны и нерасторжимы.

Поэтому вполне логично было бы представить себе, что после уничтожения Партии должен был – рано или поздно – погибнуть (в старом своем качестве) и Ленин.

* * *

Но Ельцин не сделал этого, не отменил Ленина. Еще раз: почему?

Ну, наверное, не решился по соображениям Realpolitik. Наверное, окружение и советники убедили стареющего льва русской власти в опасности подобного шага: мол, массы еще не готовы... И т.д. Хотя главное, думаю, в другом.

Обратим внимание: Борис Николаевич торжественно и достойно погребает останки Николая II и не закрывает Мавзолей. В **таким**

контексте акт захоронения последнего императора есть символическая замена, замещение символической элиминации Ленина (в другом контексте – это, как уже отмечалось, и завершение Гражданской войны, и покаяние, и восстановление исторической справедливости, и многое иное). И как раз такой шаг Ельцина в полной мере укладывается в сущностную логику его политики. Его курса на замирение, примирение, социальный консенсус. И хотя это слово любил Горби, при нем все шло в противную сторону. Зрелый, поздний ельцинизм, который начал формироваться после расстрела Белого дома, поражения «демократов» на парламентских выборах 93-го года и принятия Конституции 12 декабря, избрал ориентацию на общественное согласие (что бы там ни голосили об «оккупационном режиме» и геноциде русского народа; это голая правда).

С общепринятой этической точки зрения это согласие было неприемлемым. С нормальной эстетической – безвкусным. Символически же это было зафиксировано в: «ваше превосходительство, товарищ президент», двуглавым орле над красной звездой на военной фуражке, открытии в Академии ракетных войск имени Петра Великого богословского факультета и пр. пр. пр. Как будто бы кто-то, плюя на всякие там этики-эстетики, в постмодернистском угаре смешивал воедино то, что **принципиально** несмешиваемо. Но это – в планах этическом и эстетическом.

Есть же – по крайней мере в России – план более значимый. Это «план» русской истории. Тот, кто умеет его читать и в соответствии с ним заставляет маршировать свои колонны, и персонифицирует власть в русском пространстве и над ним.

... «план», «марширующие колонны» – эти вечные и неистребимые «толстовские» аллюзии; мудрый Кутузов, постепенно постигающий эту мудрость Андрей Болконский...; все выдумка графа Льва Николаевича! Кутузов был хитрый царедворец, ловкий дипломат, любил хорошеньких актрис и эротические французские романы; Андрей же Болконский, пожалуй, наиболее «придуманный» персонаж романа...; но вот в чем дело – вымысел Толстого «совпадает» с «планом» русской истории; совпадает вымысел, а не реальный Кутузов или реальный прототип молодого честолюбца-аристократа; когда-то Виктор Шкловский остроумно и, как всегда, позерствуя и кокетничая, сказал: нет правды о цветах, есть наука ботаника; большеголовый и большелобый, необычайно талантливый и в общем не реализовавшийся авантюрист-филистер ошибся – есть и о цветах правда (ее, к примеру, Фет знал), и есть правда о России: это то, какой ее видел и придумал Толстой (Пушкин, Гончаров, Достоевский, Чехов и др.).

Ельцин этот план читать умел. В ельцинское десятилетие это означало не «мочить» поверженных врагов, не разжигать пламя несогласия, не ввергать страну в новую гражданскую войну. Это первый всенародно избранный и сделал. За это ему простятся многие тяжелейшие грехи и преступления против нашей страны. Но исторически

(так сложилось) у него под рукой оказалось маловато ресурсов – интеллектуальных, материальных, волевых, нравственных. Всё мы проели и растранижирили. Поэтому-то он и обратился к ресурсам символическим, последнее вытаскил из своего властного сундука. Вот вам и царская Россия, и советская Россия, и моя, ельцинская, новая! Вот вам даже царская допетровская! И орлы, и звезды, и патриарх, и песенки Окуджавы, и партхозактив в костюмах от Гуччи (словно с чужого плеча), и «поручик Голицин», и памятник Жукову... Социальный мир любой ценой! Ничего не делать, что хотя бы потенциально может подорвать его (подрызало-то многое, но я об идеальном замысле). Всё в фундамент нашего дома «Россия». Повторю, это «всё» – лишь символы ушедших эпох. Больше ничего не осталось. Поэтому и история с Николаем, и отказ от перезахоронения Ленина и закрытия Мавзолея, вообще отказ от **подлинной деленинизации**.

Путин продолжил ельцинский курс. Новый старый гимн, трехцветный флаг, двуглавые орлы, Андропов, Собчак и пр. Все это укладывается в русло, пробитое еще первым российским президентом.

Здесь и на этом поставим точку, обратимся к другим сюжетам – с тем, чтобы позднее вернуться и к этому.

* * *

Выставим два тезиса:

1. Основной вопрос русской истории, вопрос, завещанный XIX в. двадцатому столетию, вопрос, принявший известный псевдоним «аграрный кризис», иными словами, **вопрос о земле** ушел в небытие. Все сегодняшние споры о том, нужна ли частная собственность на землю или не нужна – с исторической точки зрения иррелевантны. Они не имеют отношения к этому Вопросу, за ними стоят новые проблемы и относительно новые (сформировавшиеся в недрах коммунизма) социальные интересы и амбиции.

При этом отметим, что вопрос о земле не был решен. В том смысле, какой вкладывали в него русская мысль, русская общественность, русские реформаторы. Подчеркну: вопрос не решен, но его больше нет. Это – специфически русский путь и способ: через изживание, сживание со свету.

2. Выпадение из истории вопроса о земле ставит под вопрос существование русской власти как Власти. Она, видимо, тоже обречена на уход. Русская Власть возможна лишь при наличии вопроса о земле. Причем – как главного для русской истории (кажется, коммунизм здесь поработал весьма эффективно – аннигилировав основные составляющие вопроса). Русская Власть «нуждается» в Популяции. Население же становится Популяцией только при наличии так поставленного вопроса о земле.

Теперь немного порассуждаем вокруг этих тезисов.

Мне не раз уже приходилось писать, что в своем пределе Русская Власть всегда папа и Лютер в одном лице. Реакционер и реформатор,

футурист-революционер и почвенник-традиционалист. Это – идеальнотипический образ Русской Власти. В жизни, истории, «миру» она, конечно, явлена в каждый отдельный миг то одним лицом, то другим. Все зависит от того, каковы насущные задачи, «очередные задачи советской власти».

Но бывают моменты, когда Власть входит в мир в идеально типическом облики. То есть в чистом виде. Когда это случается? – Тогда, когда у нее нет никакого другого ресурса помимо самой себя. Власть опирается на Власть и только. Все иные ресурсы на данный момент либо исчерпаны, либо не доступны ей (пока ли, вообще ли).

О каких ресурсах идет речь? – «Материальных», вещественных. Русская Власть похитила субъектность у населения, превратив его в Популяцию. Это – теоретическое положение, вывод. А на практике? – Загнав 90% подданных в рабство, крепостничество, использовав специфику природно-климатических условий и соответствующий этой специфике тип экономики, Русская Власть «помогла» становлению **передельного социума, передельной социальности**. Здесь не только передельная община в деревне, но и господство принципа передельщины во всех социальных отношениях.

Власть функционировала, заражаясь энергией этого передела. Постоянный передел вещественной субстанции, происходивший в железной клетке царского деспотизма, был для Русской Власти хорошо действующим «планом ГОЭЛРО» или РАО «ЕЭС». Правы все те, кто утверждал, что самодержавие и крепостническая передельная община исторически и субстанциально повязаны круговой порукой. Кстати, после отмены крепостничества рушатся и Власть, и община.

Что такое реформы в России? – Это ослабление (вынужденное, как правило, поражением во вне) контроля за переделом. Это разрешение тому-то и тому-то вмешиваться в этот процесс. Это – разрешение тому-то и тому-то взять сверх нормы. Реакция? – Возврат к контролю. Переход на диету для обьевшихся.

Что такое «смута»? – Это когда передел вообще выходит из под контроля. Когда начинают брать не по чину. Когда «брать» хотят все. Бесконтрольный и безучетный передел. Полностью предается забвению важнейший принцип Русской Власти – «учет и контроль». Далее: смута перерастает в Революцию, когда от передела вещественной субстанции происходит массовый переход к переделу Власти. Власть рвет на куски. Это – Смута, закончившаяся Революцией.

История Русской Системы – это история борьбы Русской Власти, стремящейся найти меру контроля за переделом, и Популяции, стремящейся выйти из-под этого контроля. С тем, чтобы осуществить передел по-своему. По-болотниковски, разински, пугачевски и т.п. Поскольку передел по-своему при наличии Русской Власти не возможен, Популяция блокируется с теми непопуляционными, но и не властными элементами Русской Системы, которые также заинтересованы в ослаблении Русской Власти – боярство, казачество, купечество, дворянство, интеллигенция, «третий элемент», пролетариат.

Но если смута – это период максимального ослабления Власти и Системы, так сказать, снизу и сбоку, то бывают эпохи, когда сама Власть пускает судорогу, электрошок в недра Русской Системы. Вводит новые правила, порождает новых игроков, придает новое обличье. И самое главное – вводит новые условия передела. При этом ужесточая свой контроль. Это – Петр Великий. Это – революция сверху. Это – обновление власти и условий передела в пользу власти.

Сегодня мы переживаем совершенно новое время в русской истории. У Власти больше нет «социального ресурса». Передельный тип общества, социальности сохранился, а вещественной субстанции, годной для передела, достаточной для передела нет. Вернее она есть, но для сравнительно узких групп. И эти группы делиться ни с кем не хотят и не будут. Для общесоциального передела больше объекта нет. «Материя исчезла». Помните испуг Ильича? Исчезновение материи для передела такой же кошмар русской истории, как война на два фронта – германской.

И вот Власть может опираться только на себя, на свою энергию, на свой ресурс. Голая Власть, Власть от Власти. Власть – реализовавшая свой идеальный тип. Замерзающие, без электричества Дальний Восток и Сибирь – это, помимо человеческой трагедии – что главное, – образ русской власти образца нового столетия.

Путин не случайная фигура. Или наоборот – абсолютная случайность. Не один из нынешних политиков не олицетворяет одновременно Власть, Популяцию и Лишнего человека. Путин точка пересечения или – точнее – точка сбирания, точка, до которой сократилась Русская Система из всех трех своих «углов». Он и биографически принадлежит всем трем элементам Русской Системы (неожиданно обнаруживается «общее» с Лениным. Да еще какое!).

Он – Власть с лицом и реформатора, и реакционера, поскольку у него нет ресурса. То есть выбора. То есть свободы. То есть субъектности.

И при этом голодный передельного типа социум. **Завязка новой исторической драмы.**

Не забудем этот вывод.

* * *

И поговорим на волнующую (меня) и ключевую (для меня) тему: о передельном раг excellence характере русской социальности.

Об этом, к примеру, свидетельствуют и судьбы социализма и либерализма в нашей стране. Заметим, что социалистическую по сути форму организации хозяйственной жизни мы взяли у нашего соперника в Первой (горячей) мировой войне. Соперника, превзошедшего нас в ходе этой войны – Германии. Либеральную модель экономики Россия заимствовала также у своего более сильного противника по мировой войне – Третьей (холодной) – у США. Причем и в том, и другом случае обе хозяйственные схемы там сработали на отлично (Германия проиграла по иным причинам), а у нас провалились.

17 мая 1921 года в Париже состоялся съезд представителей русской промышленности и торговли. На нем с лекцией выступил П.Б.Струве. Он подводил первые итоги большевицкого хозяйствования. «...Содержанием коммунистической революции была неслыханная в мировой истории грандиозная экономическая реакция»¹³. Далее Струве весьма красочно показал как происходила деградация русской экономики. Но для нас, нашей темы сейчас важнее не вопрос о путях и способах удущения в России живой хозяйственной жизни, а констатация факта реакционности экономической политики ленинцев. Сутью этой реакции, этой деградации Петр Бернгардович верно полагал «натурально-хозяйственный характер»¹⁴ новой системы.

Да, впоследствии большевикам удалось создать по-своему мощную и по-своему эффективную экономику. «Натуральную» громадину. Вырванную из контекста мировых хозяйственных связей. Замкнутую в себе и на себе. Обреченную на развал и гибель при соприкосновении с экономикой современного типа.

И в этой же самой лекции Струве формулирует еще несколько принципиальных для понимания русского XX века выводов. «Необходимо вообще отметить, что советский коммунизм в некоторых отношениях есть прямой наследник того, что принято называть военным хозяйством, военным социализмом или военным регулированием. При этом мы можем отметить следующее любопытное соотношение. Субъективно-психологически новейший расцвет социалистических (коммунистических) настроений и идей во всем мире связан, конечно, с фактом регулирования хозяйства во время войны в интересах ее экономического обеспечения. Но объективно-экономически, не в формальном, а в существенном отношении военный социализм не имеет ничего общего ни с тем социализмом, который предполагался марксистской теорией, имеющим неизбежно родиться из капиталистического процесса, ни с тем синдикатским или картельным регулированием промышленности, которое на самом деле из него рождалось. Военный социализм регулировал большую или меньшую скудость, вызванную специальной временной причиной, войной, призван был бороться с недопроизводством. Программно-исторический, научный социализм марксизма, наоборот, мыслился регулирующим не скудость, а обилие, призывался перебороть именно перепроизводство... Экономическая бессмысленность и историческая нелепость русского коммунистического (социалистического) опыта состоит... в том, что для него, как хозяйственной системы, отсутствует самая основная экономическая предпосылка, из которой вообще выросла вся марксистская организационно-экономическая идея социализма, как могильщика и наследника капитализма: производственное обилие, созданное самим же капитализмом»¹⁵.

Итак, русский коммунизм использует социалистический инструментарий хозяйствования для регулирования **скудости** вещественной субстанции. А не **изобилия**, к чему этот инструментарий

¹³ Струве П.Б.
Итоги и существо коммунистического хозяйства.
- Париж, 1921. - С. 4.

¹⁴ Там же. - С. 6.

¹⁵ Там же. - С. 8-9.

предназначался социалистической теорией и в известном смысле оправдал это свое предназначение в только что ушедшем от нас столетии. Но где оправдал? – Там, где и родился, – на Западе. Когда это требовалось, антикоммунистический Запад применял для лечения и пестования своего хозяйства социалистически-социал-демократическо-лейбористское средство. Другое дело, что это средство не было единственным.

Следовательно, большевизм (русский коммунизм или одна из трех главных – наряду с эсеро-народничеством и меньшевизмом – форм русского социализма) есть способ регулирования скудости вещественной субстанции.

В этой же парижской лекции Струве квалифицировал коммунистический тип хозяйствования как «паразитарно-хищнический»¹⁶. – «Если брать процесс, совершившийся в России, исторически, то следует признать, что коммунистическое хозяйство, сменившее хозяйство капиталистическое – довоенное и военное, явилось по отношению к ним чистейшим паразитом-хищником. Коммунизм... жил на счет капиталистического и, в частности, военно-капиталистического хозяйства, на счет накопленных им запасов»¹⁷.

¹⁶ Там же.

Этого вывода замечательного мыслителя и ученого нельзя забывать. Успехи коммунизма не в последнюю очередь коренились в том, что он унаследовал у царизма «накопленные им запасы». Немалые – заметим мы. Впоследствии же коммунизм еще более усовершенствует свою природу «паразита-хищника». Он пожрет все, что сможет. Все, что лежало на поверхности – полезные ископаемые, до которых сумел дотянуться, леса, реки, их обитателей. Все, что оставила старая Россия, что удастся заглотнуть в ходе второй мировой и других всемирно-исторических заглотов. Когда не будет хватать вещественной субстанции, не погнушается и человечинной. Этот «фактор» станет важнейшей статьёй ее хищнического потребления.

И определенные успехи коммунизма на хозяйственном поприще не отменяют всего этого. Ведь и несомненные – казалось бы! – количественные показатели экономического роста СССР в конечном счете оказались эфемерными. Как только настал «момент истины» – перестройка, коммунистическое хозяйство рухнуло буквально в мгновение ока. Всего за несколько лет от былого величия не осталось и следа...

И вот тогда в Россию пришел либерализм (как и социализм – в крайних своих формах). Он явился в пышном облачении победителя, триумфатора XX столетия, в солидных ученых мантиях, в сиянии нобелевских наград. Но и его постигла здесь участь социализма. Если когда-то пышнобородый и пышногровый коммунистический Зевс (Маркс) выродился in Russland в мелкие и злобные химерические существа (помните лицо и облик Ежова? Лаврентия? круглолицей Маланьи (Маленкова)? всей этой брежневской animal farm?), то стопроцентно-комильфотные и абсолютно продвинутые сверх-ученые и сверх-либералы,

люди какого-то сияющего (увы, как выясняется, не для нас) будущего и лучшего, что есть в современности, с невероятной скоростью выродились на наших просторах в разных там «кукловодов», «миш – два – процента», «писателей» и пр. А мантии и нобелевки превратились в воровские прикиды и шнобелевки. Разумеется, речь не о людях, об идеях.

Чем же стал либерализм в России 90-х? – Регулятором скудости вещественной субстанции. Но не изобилия, как это было на Западе и где он, этот либерализм, гениально себя оправдал. И еще: либеральный тип хозяйствования на Руси имеет ту же паразитарно-хищническую природу, что и коммунистический. С полным правом мы можем повторить слова Струве, поменяв местами «коммунистический» и «капиталистический» – «Капиталистическое хозяйство, сменившее хозяйство коммунистическое – явилось по отношению к нему чистейшим паразитом-хищником. Капитализм живет на счет коммунистического и, в частности, военно-коммунистического хозяйства, на счет накопленных им запасов».

Это не так? Русский капитализм 90-х не паразит-хищник, пожирающий то, что запасли коммунисты, а также – очень и просто полезные ископаемые, а также – то, что «движется и не движется» и пр. и пр.? Все это так, все это общеизвестно. Вот только гайдар-чубайсовская система не имеет – как это было при коммунистах – натуральнохозяйственного характера. Не величественная автаркия, вещь *an sich und für sich*, но – исключительно рыночная штука, но – исключительно «все на продажу». Причем самое лучшее (нефть, газ, остатки передовой военной технологии) – за рубеж; и доллары туда же. Дня здесь, оттуда – тряпок и еды, подделок и второсортья.

* * *

Но почему? «Как все это случилось?» (помните популярную песню?) – Обратимся вновь к теме русского передела, переделного типа русской социальности.

К концу XVIII столетия, при Екатерине II (хронологически ниже опускаться не будем; хотя там, ниже, есть много для нас интересного и по этому вопросу; в этой работе у нас другая, не научно-историческая, – метафизическая, задача), в России создана – ходом событий, Властью, помещиками – переделная община. Вводится «тягло» – справедливая, равная система распределения платежей и рабочей (трудовой) повинности. Поддержание социальной справедливости, равенства – нет бедных, нет богатых, нет Пугачевых, нет бунта. А в основе всего – перманентное перераспределение, передел земли внутри общины с целью уравнивания всех. Таким образом, социальная энергия миллионов русских мужиков на долгие десятилетия канализируется во внутрь. Купируется возможность социального взрыва, выброса излишка энергии. Это, как уже говорилось, и есть подлинный русский план ГОЭЛРО, подлинно-русское РАО ЕЭС.

Передельная община и была тем двигателем внутреннего сгорания (русской социальной энергии), на котором работала машина петербургского самодержавия.

А на верху – на горке или у пруда дворянское гнездо, аллея старых лип, барышни, французский язык, растрепанный томик Парни, отставной гусар, либеральный гуманизм попеременно с картами и вином etc. – крепостничество. Против разбегания мужиков, против их утекания на окраины, против их растекания по великой равнине и за.

И для наблюдения за правильностью функционирования этого самого двигателя.

Но передельная община, передельный тип социальности рождаются не только и не столько в результате неких действий неких людей. Это – следствие адаптации населения к природной русской бедности, к «запрограммированной» в этих северных широтах скудости вещественной субстанции. И эта община, и этот тип социальности «предполагают» низкий уровень потребления. Читайте об этом книгу Леонида Васильевича Милова, посвященную великорусскому мужику-пахарю. Забудьте детские сказки или сказки для детей о потенциально богатой России. Помните, вспомните: «Эти бедные селенья, это бедная природа». «В наготе твоей смиренной» – обращается к нищей России один из умнейших ее людей... Оставьте ненужные споры на тему вечной бедности страны, в недрах которой несметные богатства. Вот когда несметно разбогатеет, тогда и поговорим.

Однако бесконечные переделы, бесконтрольные (фактически) и слишком частые, были опасны для режима и существенно снижали и без того низкую эффективность сельхозпроизводства. Поэтому в 1893 году правительство Александра III (возрадуясь, великий Никита Михалков!) издает закон, «регулирувавший порядок земельных переделов и устанавливающий для общих переделов наименьший срок – 12 лет»¹⁸. Мера вроде бы неглупая, но ... Но попробуем прибавить 12 лет к 1893 году. И получим: 1905 год, а затем – 1917 и 1929. Это и есть хронология русской истории, Русской Революции! В 16-м и 17-м крестьяне-солдаты хотели вернуться домой к переделу ...

Да, ошибся царь-миротворец и его национально мыслящие советники. Они хотели упорядочить процесс передельщины, придать ему правильный характер. А это привело к накоплению избытков социальной энергии (эк, ждатель-то двенадцать годов; продолжительность же жизни была невелика и взрослому здоровому мужику всего-то раза два – три и предстояло делить землю – мало! редко! Куда вековую привычку и силу девать?!); сначала двенадцатилетний передельный пост, а затем взрыв передела. И этот взрыв смел с лица земли романовскую Россию. Передельная община своим дозреванием

¹⁸ Пушкарёв С. Г.
Обзор русской истории. – М.,
1991. – С. 336

до исторически узнаваемых форм в немалой степени обязана энергии барского, господского страха и испуга перед Емелькой Пугачевым. И они, эти замечательные дворяне и их не менее замечательные цари (вновь возрадуйся, Никита Михалков!), грелись лет эдак сто сорок у этого уютного для них костерка, в котором перегорала энергия русского народа. Грелись и от нечего делать придумывали славные байки об особой русской гармонии, духовно воплотившейся в соборности, а плотски – в общине. Но самые умные творцы этих сладких мифов все же понимали что по чем. И про помещиков, и про общинников. И сквозь их пышную декламацию пробивалась порою и шершавая правда жизни.

...говоря об этом, не могу не вспомнить двух очень родовитых и очень богатых помещиков. Одного – гениального русского мыслителя и выдающегося общественного деятеля. Его звали Юрий Федорович Самарин (1819-1876). Другого – обычного, негениального человека, моего пра-пра-деда Аркадия Львовича Вельяшева (1840-1916).

Самарин, творец реформы 1861 года, высокопрофессиональный эксперт (как сказали бы сегодня) по крестьянскому вопросу, славянофил и православный богослов, вот что писал об основных действующих лицах русской истории конца XVIII – первой половины XIX вв. – помещиках и крепостных общинниках: «Помещик, не встречая отпора в равномерных правах людей, его окружающих ежечасно подвергается искушению дать волю своему произволу. Народ покоряется помещичьей власти, как тяжелой необходимости, как насилию, как некогда покорялась Россия владычеству Монголов в чаянии будущего избавления». Далее Самарин говорит, что это положение унижает нравственную природу человека, развивает в крепостных притворство, обман, лесть. «Оттого крестьяне почти во всех обстоятельствах жизни обращаются к своему помещику темными сторонами своего характера. Умный крестьянин в присутствии своего господина притворяется дураком, правдивый бессовестно лжет ему прямо в глаза, честный обкрадывает его и все трое называют его своим отцом»¹⁹.

¹⁹ Самарин Ю. Ф. *Сочинения*. - М., 1877. – Т. 2. - С. 17.

Еще раз подчеркнут: Самарин был в теме, как любит выражаться наш президент.

А вот история от Вельяшева, как любят выражаться на НТВ.

Он имел поместье в Псковской (Гдовский уезд)* и Тверской (Старицкий уезд) губерниях. Вполне приспособился к пореформенной жизни. Продавал мачтовый лес (сосну) для императорского флота. Считалось, что сумел наладить добрые отношения со своими бывшими крепостными. Но в 1905 году крестьяне повадились рубить его лес (тверское поместье). Однажды они даже осмелились придти к его дому, чтобы договориться о «легализации» этого воровского предприятия... С обеих сторон беседа носила лживый и притворный характер. Прашур уверял, что не очень сердится на «ребятюк», понимает их стесненное положение, – жить-то надо! – но просит все-таки, по возможности, перестать его грабить, а он уж, в свою очередь, подумает, как «ребяткам» помочь. Крестьяне уверяли Вельяшева, что леса рубить много не будут,

* Кажется, тогда Гдовский уезд входил в состав Петербургской губернии.

что-де разумеют и интерес в нем барина, но, пусть, он, барин, позволит им немного поработать, а то бедность заела, невоготу уже... Разошлись внешне довольные друг другом. Правда, крестьяне отправились продолжать вырубку не принадлежавшего им по закону леса. А Вельяшев отправился в Старицу за полицейской помощью, с которой и вернулся через некоторое время в деревню. Крестьяне были наказаны.

Это пространное отступление, как мне представляется, служит хорошей иллюстрацией тех гармонических отношений, которые сложились между помещиками и крестьянами в XIX веке. Двадцатый унаследовал эту их взаимную любовь. Её взрыв в начале только что окончившегося столетия дополнил взрыв передельной энергии, наложился на этот последний, способствовал разгулу Великой русской гражданской войны, которая в разных формах продолжалась у нас чуть ли не до эпохи Горбачева – Ельцина.

* * *

И еще о передельщине, о передельном типе социальности. Все это не умерло с той «Россией, которую мы потеряли». Советский социум и социальность также были по своей природе передельными. «Собственность» в СССР стала развитием «собственности» передельной общины. Сталинцы убили общину в её исторических, традиционных формах, но содержательно она пережила и усатого, и его наследников. Если ленинская революция, помимо прочего, означала полную победу передельщины в деревне, то сталинская обеспечила этой самой передельщине господство в городе.

Советская передельная «собственность» не имеет **правового содержания, ни правовой формы** (даже юридически-правовая техника – толком не фиксируется)²⁰. Такая «собственность» переходит из рук в руки не в ходе купли-продажи, наследования и др. обычных правовых процедур, а через переделы – смуты, переделы – отстрелы, переделы – реформы. Вообще через **передел**. Советские директора и их коллективы – это старосты и крестьяне передельной общины. Власть – коллективный помещик. Но нельзя сказать, что эта собственность была ничья. На заводах и фабриках, в колхозах и институтах, больницах и домоуправлениях, магазинах и столовых шло перераспределение и выравнивание.

Кстати, этому типу социальности – советско-передельному – идеально соответствовала организация правящего слоя – номенклатура. Которая также не имела традиционной правовой формы, но безупречно подходила для контроля и соучастия в перманентном переделе вещественной субстанции.

Традиционная русская «трудовая собственность» (о ней очень убедительно писали классики народничества – от С.Н.Южакова до В.М.Чернова) полностью реализовала себя – свои возможности и формы – именно в советском социуме. Поэтому общественный строй, установившийся в России после 1917 г., был не только (и не столько) осуществлением марксистского социализма, но и – даже в большей

²⁰ *Разумеется, речь идет о традиционном – «буржуазном», западном – понимании права. Для русского (традиционного, невестернизированного) права все это нормально.*

степени – отечественного. Так что зря Виктор Михайлович Чернов обижался на Ленина, обвинял его в плагиате. Просто Ленин сумел сделать черновское дело ловчее, быстрее, безжалостнее. Но и сам Чернов был не такой уж неумеха. Это он 28 июня 1917 г., будучи министром земледелия Временного правительства, издает закон, запрещающий столыпинское разверстование и частную собственность на землю.

Полагаю громадным упущением современных думских аграриев то, что они еще не возбудили вопроса об установлении В.М.Чернову памятника в центре Москвы. Есть же пустующие площади и площадки...

Итак, СССР демонстрирует апофеоз трудовой передельной собственности. Или, пользуясь философским словарем, собственности **реалистической**. Тогда собственность западного типа можно назвать «идеальной», **номиналистической**. Там, в закатных странах, собственность есть сложная система правоотношений по поводу вещественной субстанции (ныне и интеллектуальной). И эта самая система, эта «идеальная собственность» **предполагает** нарушение социального равновесия.

В рамках господства этого института существуют и бессобственники. Следовательно, заложена «необходимость» и эксплуатации, и отчуждения. Поэтому социальная история Запада последних веков и есть борьба против отчуждения – эксплуатации. Надо сказать, что в ходе этой борьбы выработан целый набор средств для **качественного** преодоления этой «необходимости». Но – не **количественного передела**. Правда, последнее было бы у них невозможно (интересно понял ли это хотя бы перед смертью тов. Жорж Марше? или более гибкий тов Пальмиро Тольятти? или увидевший гибель коммунизма тов.Альваро Куньял?) Идеальная, номиналистическая (т.е. классическая частная собственность) не поддается количественному перераспределению. Это не пирог, не кусок земли, не железнодорожный состав с лесом. Это – система **формальных** правоотношений. Против нее даже гильотина бессильна. Можно отрубить голову всем Людовикам, всем аристократам, всем буржуям, всем сочувствующим им, всем сочувствующим этим сочувствующим, но с частной собственностью не справиться. Она, в известном смысле, как дух святой – дышит, где хочет (в пределах, разумеется, фаустовской цивилизации). Попробуй, поборись с самим духом. Попробуй, обезглавь, сожги, запрети «Code civil» (для Запада, не сомневаюсь, вторая по значению книга – после Библии)...

Напротив, смысл и содержание трудовой, реалистической, передельной собственности и порождаемой ею социальности состоит именно в поддержании общественного равновесия. Здесь потенциально и интенционально все собственники (ас точки зрения номиналистической – бессобственники): и нет проблемы эксплуатации и отчуждения. Конечно, проблемы нет лишь в идеальном смысле. В

реальной жизни мы сталкиваемся с ней. Однако это не более, чем ситуативное нарушение всей социальной диспозиции. Говоря проще: это не фундаментальное противоречие системы. Это – отклонение от нормы, «допускаемое» во всяком опыте. Или иначе – эксплуатация и отчуждение функциональны у нас и субстанциальны у них. Потому-то в России передел – насилие с отрубанием – отрыванием голов всегда достигает желаемого результата.

А возможна ли в России идеальная частная собственность? – Да, возможна. Как попытка закрепить полученное в ходе очередной вспышки-активизации передела, переделного процесса. Схватил, отнес в угол, занял круговую оборону и криком всем: «это – мое, я выхожу из игры» (т.е. передела). Так – в целом – появляется в отчизне институт классической частной собственности. Точнее, не появляется – с помощью формально-юридических процедур обосновывается легальность владения, пользования, распоряжения ... добычи. «Собственность – кража» – это максима не западной системы, хотя и сформулирована была характерным западным человеком, но – русской. Это у нас собственность есть результат воровства. Но при вечной скудости вещественной субстанции вынос за пределы поля передела, в аут, её значительной части, как правило, приводит к тому, что русский народ отнимает у этих «частных собственников» несправедливую добычу. Методы разные: от красногвардейской атаки на капитал до Юрия Деточкина (этакого советского князя Мышкина, Достоевского «идиота», адаптированного Эльдаром Рязановым к уровню советского чутьвышесреднего обывателя; заметим: две сверхпопулярные и «острые» комедии этого всенароднолюбимого мастера – «Берегись автомобиля» и «Гараж» – посвящены теме справедливого передела; вспомним, что и триумф Ельцина связан с обещанием справедливого передела – распределения).

Переделная социальность знала в России две большие исторические формы: самодержавную и коммунистическую. В свою очередь обе эти формы сначала существовали в крепостническом обличьи (1770-е гг. – 1860-е гг. и 1929-1953 гг.), а затем в режиме все большей и большей эмансипации (1860-е гг. – 1929 г. и 1953-1991 гг.). Витте и Столыпин (пишу это именно в этой последовательности – не только хронологической, но и исторически честной, – поскольку «Особое совещание» под водительством Сергея Юльевича идеологически и «технократически» подготовило знаменитую столыпинскую реформу) позволили всероссийской общине раскрыться и отпустить тех, кто хотел и мог. Через восемьдесят лет М.С. Горбачев дал возможность выхода из всесоветской общины. Результаты – во всяком случае со смотровой площадки сегодняшнего дня – противоположны.

В первом случае совокупность обстоятельств привела к тому, что община пожрала всех захотевших быть «аутсайдерами». Во втором

– «аутсайдеры», в максимальном объеме аккумулировав вещественную субстанцию, оставили общинников один на один с нищетой. Делите бюджетные крохи, вымирайте...

* * *

Ну, а теперь свяжем воедино все предварительные выводы и итоги. Что же получается? С каким багажом Россия расстается с XX столетием и отправляется в плавание по неизведанным водам века следующего?

Сохранен «передельный» тип социальности. Но делить почти нечего. Того, что осталось, на всех не хватит. У власти чуть ли ни единственный ресурс – сама власть. Да еще «общественное согласие», замешанное на эксплуатации символик (символических образов) трех Росий, потерянных нами – старомосковской, петербургской, советской. Надо сказать, что для поддержания согласия это не густо. На долго не хватит.

Властно-политическое измерение русской культуры по-прежнему – универсалистское. Причем универсалистское по-русски. Сохранены замашки и Третьего Рима, и Третьего Интернационала. При всей внешней униженности России мы, как и раньше, ощущаем себя духовной цивилизацией *par excellence* (а может внешняя униженность этому даже способствует?). И эта наша особая духовность, по нашему убеждению, нужна *urbi et orbi*. Бездушный глобализирующийся мир должен быть спасен, будет спасен русской духовной красотой (достоевское «красота спасет мир» слишком абстрактно и космополитично). И если это намерение еще не охватило умы миллионов, не завоевало их сердца и не движет их поступками, это не суть важно. Подождите, парочка дефолтов, техногенные, социоэкономические, внешне- и внутренне-политические провалы резко, еще более поднимут в стране градус духовности (иначе вообще, несмотря на потепление климата, замерзнем). И этой духовностью, теплом, жаром своих душ мы, безусловно, возжелаем поделиться с другими народами.

Ведь русский путь – это пространственная экспансия. И чем больше сжимается наша территория, чем глубже вытесняют нас на Север Евразии, чем ближе западные границы к Москве – а они уже под Смоленском, как четыреста лет назад, чем неотвратимее американско-европейский «*Drang nach Osten*», хоть и в бархатном либеральном, *soft*-варианте, тем прочнее и яростнее («пусть ярость благородная...») станет наша духовная красота, наше духовное одиночество и избранничество...

Я не ёрничаю. Не посмеиваюсь. Мной владеет предчувствие неотвратимых испытаний, которые ждут нас. Властно-передельный социум без «материи» для передела и энергии для власти, в съезживающемся пространстве, на положении *de facto* мирового изгоя, «большого человека», о котором все хотят побыстрее забыть, но – с мощной имперской памятью, напряженной и живой универсалистской духовностью, уязвленной гордостью и гордыней, – что сотворит он, на какие деяния

подвигнется, как будет искать путь выхода из исторического тупика? Немощный, больной, бедный, привыкший к унижению и величию, по-добострастию и поучению, извечной вторичности («все» заимствовано) и высокомерному первородству, универсалистский и самодостаточный, – что скажет мой русский мир в ближайшие годы себе и другим?

Боюсь: все то же. Что и всегда. – Подтверждением этому моему опасению являются и Ленин, остающийся центральной и смыслообразующей величиной нашей культуры, несмотря ни на что, несмотря на титаническое усилие Солженицына (вы этого еще не поняли? вы полагаете: Ленин спекся? вы наивно повторяете: «Пушкин – наше всё»? – о, если бы это было так ...), и выборы 26 марта 2000 года – с передачей власти, «Единством», информационным киллерством, единством единственного претендента-наследника и народа, и мы все, привычно и покорно готовые снова раболепствовать, дрожать от страха, иметь в виду «прослушку» телефонов, понижать голос, обсуждая «политику», издеваться над неудачливыми «демократами» и «реформаторами», презрительно и лукаво надсмехаться над постаревшими диссидентами...

* * *

Так что же? Отречься от нашего XX века? С ужасом, омерзением, страхом бежать его руин (Россия всегда строит только руины, по слову П.Н.Милокова)? Чур меня, чур меня.

И в особенности проклятое коммунистическое прошлое. Все эти бесконечные гугаги и коллективизации, чистки и зачистки, войны и ненависть. – Забыть, отвернуться, попытаться всё начать заново. Учиться и подражать более успешным и удачливым народам...

Да, нет. Никогда – Никогда не только не отворачиваться и отвергать этот бесценный опыт, это воспитание – смертью и страхом – души, это незнакомое никому кроме нас отчаяние и безнадежность. Напротив, именно на этом знании строить настоящее и будущее. Когда все потеряно. Когда нет никаких надежд и реальных ресурсов. Когда мир устраивается на какой-то неведомый нам лад и мы этому миру не нужны. Даже мешаем не очень. Когда История, кажется, забыла о нас ... Вот это и есть лучшее положение для старта.

Мы наследуем громадное богатство XX столетия. Лучше всего смысл и содержание этого богатства выражены в двух формулировках: «И в значенье двояком / Жизни бедной на взгляд, / Но великой под знаком / Понесенных утрат» и «Только размер потери и / делает смертного равным Богу». – То есть наша единственная опора: «понесенные утраты» и «размер потери». Ничего более прочного, твердого и представить себе не возможно.

Так и следует понимать пастернаковскую строчку, вынесенную в заглавие этого импрессионистического этюда с метафизическим уклоном. «Полная гибель всерьез» – это не отказ от жизни, не холодное «ничто», не белый флаг над поверженной крепостью. Это – метанойя, перемена ума; это – и надежда на перемену исторической участи России.